

действовали более напористо, они не собирались отдавать власть.

В рядах самой партии не удалось достигнуть единства. Разногласия вылились в акции преследования – сначала со стороны халькистов, а после ввода 40-й Армии – парчамистов. И все же присутствие наших войск сдерживало их порывы. Таким образом, распри внутри партии в первое время приобрели форму репрессий против парчамистов, а заодно и строптивых халькистов. По обвинению в заговоре был арестован министр обороны А.Кадыр и заключен в тюрьму Пули-Чархи, где уже сидели будущие премьер-министр С.А.Кештманд и министр обороны М.Рафи. Многие парчамисты из руководства НДПА после назначения на дипломатическую работу объявили себя «невозвращенцами». Среди них и Бабрак Кармаль.

Х.Амин смог войти в доверие к Н.М.Тараки и был кооптирован в состав Политбюро ЦК НДПА. Постепенно он прибирал власть к своим рукам, лишая формального лидера страны реальных рычагов воздействия.

А напряженность в стране возрастала. Еще 1 июля 1978 года Абдул Кадыр отметил: «В Кандагаре сейчас напряженная обстановка, мы вынуждены везде посылать войска для наведения порядка».

После ареста А.Кадыра Хафизулла Амин в беседе с генерал-лейтенантом Л.Н.Гореловым 1 сентября 1978 года сказал, что «мы хотим иметь хорошо обученную и боеготовую армию» и просил «командировать в ДРА хоть 10 000 советских советников».

Глава государства Н.М.Тараки признал: «Обстановка в стране не очень спокойная: то в одном, то в другом районе реакция поднимает голову... Единственной опорой у нас является армия, на которую мы возложили все функции по управлению государством». Одновременно Тараки просил ускорить поставку вооружения и военной техники, а также оказать помощь афганскому народу и направить в страну советские войска.

В марте 1979 года в провинции Герат началось открытое антиправительственное выступление. Мятеж удалось подавить. Сразу же, как только в Москве стало известно о гератских событиях, члены Политбюро ЦК КПСС обсудили создавшееся в Афганистане положение и поручили А.Н.Косыгину переговорить с Н.М.Тараки, руководствуясь состоявшимся на Политбюро обменом мнениями. В ходе этого разговора из уст Тараки прозвучала прямая просьба о вмешательстве Советского Союза: «Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолётах поставили афганские знаки, и никто

ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Кабула». Однако Косыгин возразил: «Вы упрощаете вопрос. Это сложный политический, международный вопрос. Но независимо от этого, мы еще раз посоветуемся и дадим ответ».

20 марта Тараки прилетел в Москву, пытаясь именно здесь отыскать выход из критического положения. Его просьба о вводе советских войск в Афганистан была отвергнута.

Между тем вооруженные столкновения правительственных войск с отрядами оппозиции продолжались. В последующем афганские лидеры многократно обращались за военной помощью к советскому руководству: в течение лета 1979 года – девять, в октябре-декабре – шесть раз. Так однажды Х.Амин откровенно сказал: «Пребывание советских подразделений в Кабуле придаст нам уверенность в наших действиях и позволит высвободившиеся подразделения наших войск использовать для борьбы против контрреволюционных элементов».

Дальнейшие события вышли из-под контроля Тараки. Возвращаясь из поездки в Кабул, он встречался в Москве с советскими руководителями, а когда 11 сентября прибыл в Кабул, то заявил: «Будем лечить в партии раковую опухоль». Надо полагать, Тараки получил какую-то настораживающую информацию в Москве. Но Х.Амин в борьбе за власть сделал упреждающий ход: 13 сентября снял с постов четырех руководителей: министров госбезопасности, МВД, связи и по делам границ. Это возмутило Тараки. По настоянию советских представителей Тараки пригласил 14 сентября Амина на встречу в присутствии посла СССР и советских военачальников.

Однако встреча не состоялась. Когда Амин и сопровождающие его лица прибыли к резиденции Тараки, охранниками была спровоцирована перестрелка. Погиб главный адъютант Тарун.

На другой день, 15 сентября, на пленуме ЦК НДПА Н.М.Тараки был освобожден от своих обязанностей. Генеральным секретарем партии стал Хафизулла Амин. Что касается Тараки, его судьбе не позавидуешь: сначала – домашний арест, а 8 октября его задушили офицеры – разумеется, по указанию пришедшего к власти Амина.

В течение осени Х.Амин продолжал настаивать на оказании военной помощи. 3 октября 1979 года в беседе с главным военным советником генерал-полковником С.К.Магомедовым он сказал следующее: «Мы готовы принять любые ваши предложения и планы. Мы предлагаем вам смелее принимать участие во всех наших делах... Я преданный советист и